

чаще всего библиографического характера. Выбор материала неизбежно оказывается случайным (...) но беда в том, что сам по себе материал научно аморфен, что, не будучи освещен или осмыслен той или иной концепцией, он не имеет значения даже научного факта, он как бы не существует, потому что неясно, каково его значение, как он вообще относится к истории и к искусству, в котором все живет лишь постольку, поскольку значит что-либо, осмысляется».²⁸

Прежде чем строить концепции и устанавливать то, что именовалось «социальной природой» литературы, Гуковский в своем обзоре состояния науки о XVIII в. писал: «Нет необходимости доказывать, насколько недопустимо такое забвение целого почти столетия литературной жизни, целого ряда крупных, замечательных писателей. Такое наивное отношение к Пушкину и к его эпохе, как началу русской литературы, до тех пор влачившей жалкое существование и вот теперь, именно с гением Пушкина, вдруг оформившейся и вышедшей на арену истории».²⁹

Незнание материала, часто элементарное, приводит, по мнению Гуковского, к такому положению в науке: «...все еще будут иметь силу огульные рассуждения о подражательности русского „ложноклассицизма“, о том, что он „не самобытен“, т. е. не выражает русской жизни и русского общества, что поэзия Ломоносова, Сумарокова и др. — только список с поэзии французского классицизма и т. п. Вместе с этой „теорией“ (...) все еще будет держаться в умах не менее бессмысленное в методологическом отношении мнение о литературе века как о сплошном недифференцированном монолите схоластических упражнений, лишенных мировоззрения, искусственных и отвлеченных от реальной жизни и личного характера автора».³⁰

В 1933 г. спор еще не был закончен, он продолжался на страницах одного из выпусков «Литературного наследства» (т. 19—21, 1935), но, как верно указал П. Н. Берков, на новом этапе участники его должны были считаться с постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о преподавании истории. Как и предыдущее постановление (о роспуске РАППа), это постановление, восстановившее полноправие гражданской истории и отменившее социологизирование в духе школы Покровского, раскрепостило историю литературы от привязанности к отвлеченным схемам классовости. Преодоление схематизма по отношению к XVIII в. потребовало еще нескольких лет напряженной работы Гуковского и других исследователей. И дальнейшее развитие этого процесса выходит за пределы моей статьи.

²⁸ Там же. С. 297.

²⁹ Там же. С. 295.

³⁰ Там же. С. 296.